

Народные мемуары

Андрей ЧАЙКО

ШУМЕЛ СУРОВО БРЯНСКИЙ ЛЕС

К тридцатилетнему юбилею Победы над фашистской Германией в мае 1975 года в нашей школе готовили грандиозный концерт. В первом отделении должны были прозвучать песни советских композиторов в исполнении учеников и учителей. Венчало действо выступление большого сводного хора с песней о Родине. За организацию отвечал учитель музыки Юрий Николаевич. Высокий, стройный, с гривой седых волос, зачесанных назад, он походил на композитора Дмитрия Кабалевского, портрет которого висел в кабинете музыки. Дело свое Юрий Николаевич любил до безумия: в бытность его учителем музыки пела вся школа. В каждом классе был ансамбль и два-три солиста. Пели все учителя — сольно, дуэтом и хором. Был хор мальчиков и хор девочек. В особо торжественные праздники, когда требовался мощный финал, все исполнители сводились в одну команду, которая с трудом помещалась на школьной сцене.

Во втором отделении силами пятиклассников решили поставить сценки из жизни партизан. Режиссером назначили учителя литературы, а по совместительству руководителя школьного драмкружка Валентину Ильиничну. Общее руководство взяла на себя директор школы Лия Михайловна.

Юрий Николаевич Честных со школьным ансамблем

Я, юный пятиклассник, очень хотел принять участие в концерте «хоть тушкой, хоть чучелком». Однако поскольку был лишен слуха и голоса, в первую часть концерта не попал. Во втором меня ожидал настоящий успех, но я об этом еще не догадывался. Валентина Ильинична собрала всех непоющих и устроила нам, выражаясь современным языком, кастинг. Отобрала человек тридцать самых талантливых (среди которых затесался ваш покорный слуга) и прочитала нам пьесу под названием «Партизанская рапсодия».

Интересно, откуда она ее взяла? Из библиотечки «В помощь художественной самодеятельности» (была такая серия книжек) или сама сочинила? Сюжет такой: партизаны на привале варят кашу на костре и поют фронтовые песни. В нашем случае это была песня «Шумел сурово брянский лес». Потом один из них зачем-то решает выдать своих фашистам и втихую сваливает в немецкий штаб, где за грязные дойчмарки указывает расположение отряда. Фашисты, ведомые предателем, нападают на партизан. В скоротечной схватке немцев разбивают наголову, а предатель попадает в плен. Происходит допрос, а потом и расстрел изменника. В самый ответственный момент, когда взведены затворы винтовок и вот-вот прогремит залп, к партизанам приезжает комиссар из главного штаба. Он объявляет, что предатель — вовсе не предатель, а честный разведчик, засланный в тыл к врагу, чтобы выманить его из убежища и уничтожить. Там-тара-рам-пам-пам, фанфары, занавес, аплодисменты!

Когда мы ознакомились с пьесой, началось самое важное — распределение ролей. Здесь все было просто: отличников и хорошистов записали в партизаны, двоечников и хулиганов — в фашисты. Партизанский отряд возглавил мой одноклассник Серега Иваненко: круглый отличник, председатель совета отряда, первый, кого приняли в пионеры, член совета пионерской дружины школы, пионер-знаменосец, член городского совета пионерских дружин! В общем, достойный сын своей Родины. Думаю, он бы смог командовать настоящим партизанским отрядом.

Главным немецким начальником назначили восьмиклассника Леху Пантелеймонова по кличке Балбес. А чего вы хотели — так и надо этим гадам-фашистам! Леха был заядлым прогульщиком и двоечником. Учителя его за уши тянули к выпускным в надежде, что после восьмого класса он уйдет из школы.

Поскольку я учился на тройки, мне досталась роль предателя. Или разведчика — это как посмотреть. На роль комиссара из партизанского штаба назначили третьеклассника Сему Шацкого, отец которого был главным стоматологом города. Считаю, что это назначение было небескорыстным. Валентина Ильинична преследовала какие-то свои, только ей известные цели. Сему пацаны презирали: не за то, что еврей, а за страсть к наущничеству. Любил Сема постучать: и учителям, и самому директору — за что и бывал неоднократно бит. Узнав об этом назначении, я пришел к Валентине Ильиничне и предложил поменяться ролями с Семой, потому что предателя он наверняка сыграет лучше — у него опыт есть. Валентина Ильинична заявила, что ничего менять не будет, а мне посоветовала идти вживаться в образ. Как это делается, я не знал.

Работа над образом

На все про все было отпущено недели три, а хлопот много: изготовить декорации, придумать костюмы, подобрать музыку и выучить текст. Все включились в подготовку спектакля. Трудовик с командой самых рукастых пацанов после

уроков строга́ли автоматы и винтовки и краси́ли их в черны́й цвет. Получа́лось краси́во. Девочки на уроках домо́водства плели из белёвого шну́ра аксельбанты́ для фашистов. Валентина Ильинична почему-то решила, что немцы носи́ли аксельбанты́. Видимо, перепутала с бело́гвардейскими офице́рами из филь́ма «Чапаев». Ю́рий Николаевич разу́чил с парти́занами па́ру военны́х песен, а поя́вление на сцене немцев сопро́вождал отрывка́ми из Се́дьмой симфо́нии Шо́стаковича, исполня́емыми на аккордеоне.

Форму́ для фашистов сде́лали из шко́льных пи́джаков, привеси́в на них аксельбанты́, а рука́ва украси́ли черны́ми повязка́ми со свасти́кой, нари́сованной бе́лой краско́й. Два́дцать повязо́к изгото́вили девочки на тех же уро́ках тру́да. По ны́нешним време́нам присе́ла бы на́ша учи́тельница за пропа́ганду наци́зма! Парти́занам предло́жили са́мостоя́тельно подо́брать костю́мы из име́вшей-ся дома́ оде́жды.

Три́ дня я ры́лся во всех че́моданах и шка́фах, выво́рачивал на свет бо́жий сви́тера, ко́фты, штаны́, ста́рое зимне́е пальто́, ме́рил все это́ и часами кру́тился пе́ред зерка́лом. Как дол́жен вы́глядеть настоя́щий парти́зан? Кто́ его зна́ет... Подума́в, я остано́вил сво́й выбо́р на ста́рых сини́х штана́х от лы́жного костю́ма и вяза́ном сви́тере с оле́нями на гру́ди. Что́бы вы́глядеть бо́лее суро́во, сви́тер вы́вернул наизна́нку. На го́лову наде́л кро́личий тре́ух, к нему́ при́цепи́л красную́ ленточку́, сде́ланную из пи́онерского́ галсту́ка, наде́л на но́ги черны́е рези́новые са́поги (кирзо́вых не бы́ло). Все́ это́ вели́коле́пие я закре́пил армейски́м реме́нем с бо́льшой бронзо́вой пря́жкой, укра́шенной зве́здой. По́том черны́м каранда́шом, кото́рым ма́ма краси́ла брови́, нари́совал се́бе боро́ду и усы́. Завя́зал пра́вый гла́з черной́ повязко́й. В це́лом созда́нный о́браз парти́зана-пре́дателя-разведчи́ка Валенти́ну Ильиничну́ устро́ил, но повязку́ с гла́за она́ велела́ сня́ть: «Все́-таки́ не про́ пиратов́ спекта́кль».

Оста́льное парти́занское́ во́йско вы́глядело́ приме́рно так же. Рабо́бравши́сь с деко́рация́ми, костю́мами и ску́дным рекви́зитом, мы́ присту́пили к репети́циям.

Театр военных действий

Снача́ла Валенти́на Ильинична репети́ровала с парти́занами, по́том — с немца́ми. Оче́нь хоро́шо получа́лись индивиду́альные сцены́: на́пример, пре́дательство́ в шта́бе. Ле́ха, вжи́вшись в о́браз неме́цкого офи́цера, хо́дил по сцене́, то́пая ка́блуками, ку́рил вообра́жаемую́ сига́ру и говори́л по-неме́цки: «Achtung, Achtung! Sprechen Sie Deutsch!» Ме́ня выво́дили на сцену́ в сопро́вождении́ дву́х конвои́ров. Что́бы избе́жать пы́ток, я неме́дленно́ соо́бща́л, где́ нахо́дится парти́занский́ отря́д. Ле́ха, изобра́жая неме́цкий акце́нт, говори́л: «Молоде́сь, руси́ш, молоде́сь! Ти́ пока́жешь, где́ они́ пря́чутся». И начи́нал отсчи́тывать́ до́йчмарки́, наре́занные́ из тетра́дной бума́ги. Я потира́л липкие́ ручки́ и хитро́ говори́л: «Бу́дет дете́шкам на мо́лочишко!» — и мы́ уходили́ гото́виться к захвату́ лаге́ря. Получа́лось не́плохо, пока́ не до́шли до бата́льных сцен. Зде́сь вскры́лось про́тиворе́чие — мо́жно да́же сказа́ть, анта́гонизм ме́жду парти́занами-отлични́ками и фаши́стами-неуспе́вающими́. Отря́д фаши́стов, ве́домый Ба́лбесом, катего́рически́ не хо́тел сдава́ться парти́занам-пя́тиклассни́кам, тем са́мым нару́шая истори́ческий хо́д собы́тий. По́ этой́ причи́не на пе́рвой же репети́ции завя́зала́ настоя́щая дра́ка, кото́рую не смо́г остано́вить ни зы́чный го́лос Валенти́ны Ильиничны́, ни уве́щевания́ дире́ктора. То́лько при́бежавшие на по́мощь физи́рки́ с тру́дом обезвреди́ли обе́ армии́. Плененны́х про́тивни́ков вы́строили́ вдоль́

сцены. Раскрасневшиеся, взъерошенные, с разбитыми носами и назревающими синяками стояли мы под охраной физруков, повесив головы и уставившись в пол.

Началось дознание, которое проводила директор школы. Выявить зачинщиков оказалось непросто. Колотья никто не хотел — пацанская честь дороже. Партизаны, как и положено партизанам, молчали. Фашисты ссылались на сценарий и утверждали, что так написано у Валентины Ильиничны, а они просто репетировали. Валентина Ильинична растерянно краснела. Директор недобро поглядывала в ее сторону. Следствие грозило зайти в тупик. Мудрая школьная администрация уже готовилась спустить дело на тормозах, когда в ход расследования вмешался комиссар Шацкий из главного партизанского штаба. Сема выскочил вперед и на голубом глазу заявил директору, что своими ушами слышал, как Леха Балбес за кулисами отдавал приказ немецким головорезам бить голопузых партизан до победного конца. После такого поворота Сему до дома провожали физруки.

Вызванные в школу родители, узнав о происшествии, воспитывали своих чад по-свойски. Мне мама погрозила армейским ремнем со звездой на медной пряжке, пообещав отпечатать ее на моей попе. Во избежание порки я нырнул под диван, где и отсиживался, пока в знак примирения меня не позвали пить чай. За столом я дал очередное последнее слово не драться...

Что касается пьесы, то теперь репетиции проходили под неусыпным наблюдением физруков. Поэтому открытых боестолкновений на сцене больше не возникало. Они переместились вовне.

Первыми начали фашисты. Леха Балбес и его подручные во дворе дома выловили командира партизан Серегу Иваненку, затащили в подъезд, навешали лещей и натерли уши. После чего, зажав кончик носа между двумя пальцами, отлили чудесную «сливу». На следующий день на Серегу было жалко смотреть: опухшие уши на просвет светились розовым, а нос походил на настоящую синюю сливу. Терпеть такое было нельзя. Посоветовавшись на заднем дворе школы, партизаны провели рейд по тылам противника. После окончания уроков до самого вечера мобильный партизанский отряд прочесывал прилегающие к школе дворы, парк и сквер возле кинотеатра. В плен попали четыре немца. Правда, не самых главных, но это ничего — месть хороша в любом случае. На завтра с синими носами ходило уже пять человек.

На следующий день попало еще по одному бойцу с обеих сторон. Количество синих носов и розовых ушей неуклонно росло. Чтобы обезопасить себя от засады, мы ходили небольшими группами, выставляя авангард для разведки. Фашисты на переменах устраивали засаду в туалете, партизаны стойко терпели. После уроков начиналась охота за зазевавшимися противниками. От одной репетиции к другой синих носов, подбитых глаз и опухших ушей становилось все больше и больше. Валентина Ильинична, глядя на артистов, понимала, что бой идет не на жизнь, а на смерть. И если не принять срочные меры, то к премьере театр превратится в госпиталь.

Переговоры на стадионе

Между тем война продолжала разворачиваться в своем направлении. Дело в том, что такие ожесточенные боевые действия долго вести трудно. Ведь надо же ходить в школу, посещать кружки и секции, помогать родителям по хозяйству. А как объяснишь частые «боевые ранения»? У предводителя фашистов Лехи созрело решение устроить генеральное сражение — кто победит, тот

и прав. В дело вступила дипломатия. Так как театральная роль делала меня своим и в лагере партизан, и в лагере немцев, переговорщиком выбрали меня. Я получил статус неприкосновенности. Меня нельзя было отлавливать и лупить, я мог свободно перемещаться по кварталу, выполняя дипломатическую миссию. Мне удалось договориться о двухдневном перемирии и организовать встречу враждующих сторон, чтобы выработать условия сражения.

К концу перемирия в самом дальнем углу школьного стадиона собрались две армии. Фашисты разместились на металлических брусках и турниках, а партизаны, как воробьи, расселись на школьном заборе. На середину площадки, между брусками и забором, вышли Серега Иваненко и Леха Балбес. Они презрительно поглядывали друг на друга и поплевывали сквозь зубы в разные стороны. Таков был пацанский ритуал. Потом пожали друг другу руки в знак чистоты помыслов. Этого требовал кодекс чести.

Начались переговоры. С местом битвы определились быстро — им был избран пустырь за кирпичным заводом. Не одно поколение местных мальчишек сходилось там один на один и толпа на толпу, отстаивая свои интересы и честь родного двора. С правилами боя было сложнее, но и здесь достигли взаимоприемлемых условий. Во-первых, драться без цепей и свинчаток, на кулачках. Во-вторых, если выбили кровянку, из драки выбываешь, сидишь в стороне. В-третьих, лежачих не бить. В-четвертых, бьемся до последнего бойца. Побеждают те, кто сохранил больше людей. Судьбоносное сражение назначили на субботу, на четыре часа дня. Когда Серега и Леха закрепили рукопожатием достигнутые договоренности, пацаны ссыпались с заборов и турников и перемешались в одну толпу, радостно галдя, пожимая друг другу руки и похлопывая по плечам. Все-таки мы учились в одной школе, жили по соседству, наши родители работали на одних предприятиях и были знакомы между собой. Город-то маленький! Только неумная воля учителя поссорила пацанов, противопоставила театральных партизан театральным фашистам, отличников и хорошистов — двоечникам и хулиганам. Под занавес кто-то бросил на поле футбольный мяч, и пацаньячья ватага до самой темноты увлеченно гоняла в футбол.

Искусство дознания

Между тем до субботы оставалось два дня. Чем могло закончиться сражение? Собравшись на пустыре, враждующие стороны потолкались бы немного. В крайнем случае выставили бы двух поединщиков, как Пересвета и Кочубея на Куликовом поле. Либо переговоры бы продолжились и закончились миром. А впереди маячили премьеры пьесы и окончание учебного года. Пора думать об оценках. Время было лихое, запросто могли оставить на второй год.

Война начинала было выдыхаться, но в ход событий опять вмешался партизанский комиссар — сын стоматолога Шацкого. Сема сообщил физрукам и Валентине Ильиничне о грядущем генеральном сражении между партизанами и фашистами. Агентурное сообщение в виде докладной записки от Валентины Ильиничны легло на стол директора. Оперативный штаб из состава администрации школы и физруков собрался в учительской и решил нанести упреждающий удар. Было решено наголову разгромить немецко-фашистских оккупантов, а заодно накрыть партизанское движение.

Не дожидаясь перемены, физруки провели первые аресты. Были задержаны и доставлены в штаб Серега Иваненко и Леха Балбес. Командиры

противоборствующих сторон держались достойно и никого не выдали. Далее в учительскую по одному и целыми группами доставлялись и партизаны, и немцы. Слух о массовых арестах моментально облетел школу. Самые отчаянные бойцы совершили дерзкий побег через туалетное окно первого этажа. Оперативных работников в штате не хватало, поэтому к расследованию были привлечены классные руководители. Допрашиваемые твердо стояли на своем: про драку слышим в первый раз, ничего не знаем, заняты подготовкой к спектаклю. Между тем в школу подходили вызванные родители, и от дверей учительской веяло холодом. Прибывший инспектор по делам несовершеннолетних недоволено морщил нос:

— Кто же так допрашивает, — поучал он учителей, — по одному надо, а потом показания сопоставить и ловить на противоречиях! А вы их вместе собрали, где же они поколуются?

Прав был инспектор: не покололись, не хватило у учителей опыта дознания. Но у нашего директора был в рукаве козырный туз. Она не преминула им воспользоваться, приперев нас к стенке, а заодно умыв недалекого инспектора.

— Шацких пригласите, — негромко сказала она физрукам, и в учительской стало тихо, как на первом уроке, когда дети еще не проснулись. Двери распахнулись, и на пороге появился Сема с папой-стоматологом. Папа держал сына за руку и, похоже, гордился им.

— Сема, — ласково произнесла директор, — расскажи нам, что ты знаешь про драку?

Окрыленный вниманием взрослых и поддержкой отца, Сема начал рассказ и выложил все: кто, как, где и зачем. Расклад был полный, инспектор ИДН от зависти кусал локти. Директриса смотрела на него с легким презрением и чуть свысока: «Знай наших!» Уличенные парни стояли вдоль стенки, понуриив головы, — многих дома ждала суровая расплата. В те времена авторитет учителя был непререкаем. Если учеником заинтересовался директор школы, взбучка обеспечена.

— Спасибо, Сема, — проворковала директор и добавила в сторону отца: — Спасибо вам, хорошего сына воспитали. Идите домой.

Стоматолог, приобняв сына-стукача, покинул школу. Наступила очередь наших родителей. Их по одному приглашали в учительскую и, объяснив ситуацию, выдавали им на руки заблудших чад. Краснея щеками и стыдливо пряча глаза, родители обещали устроить дома сыновьям грандиозную порку. Самые нетерпеливые умудрялись отвесить леца своим чадам прямо в учительской. Мне повезло — мама была на работе, и забрать меня было некому. Дав честное слово, что расскажу родителям обо всем сам, я был отпущен на волю. Оказавшись дома, первым делом я перепрыгнул вышеупомянутый армейский ремень.

Боевые действия, решительно подавленные школьной администрацией, сошли на нет. До концерта оставалась неделя, поэтому репетиции шли ежедневно, по-прежнему под надзором физруков. Только теперь они следили не за враждующими армиями, а охраняли «свидетеля обвинения» комиссара Шацкого. Фашисты и партизаны, примерно наказанные родителями, заключили мир и мечтали лишь об одном — намылить шею Семе. Сделать это было непросто: в школу его привозил папа на своей машине, из школы провожала старшая сестра, ученица десятого класса. Девица она была крепкая и быстрая на расправу, даже Леха Балбес ее боялся. На занятиях и репетициях Сема не отходил от учителей. Выманить его в туалет не было никакой возможности. Постепенно желание

отомстить Шацкому стало остывать, и его оставили в покое. Мы были не слишком начитанны и знаменитой фразы о том, что месть — блюдо, которое надо подавать холодным, еще не знали.

Праздничный концерт

Праздник неумолимо приближался. Все шло своим чередом: певцы пели, актеры играли. Генеральная репетиция прошла удачно. Казалось, ничего не предвещало беды. В назначенный день в актовом зале школы свободных мест не было. Первые ряды были отданы ветеранам войны с букетами весенних цветов и представителям гороно. Школьники и их родители заполнили галерку. За кулисами царил суматоха, которую с трудом контролировали Юрий Николаевич и Валентина Ильинична. Юные артисты очень волновались. Наконец по команде директора зазвучали фанфары, занавес раздвинулся и начался концерт.

Первым отделением руководил Юрий Николаевич. Сначала сцену заполнили малыши в красивых отутюженных костюмчиках — октябратский хор «Звездочка» исполнил песню «Учись, как Ленин». Потом мои одноклассницы Таня Шалаева и Лена Быстрова исполнили знаменитых «Журавлей» на стихи Расула Гамзатова. Вокальный дуэт Пети Драгунского и Сережи Распопова представил «Марш усольских пионеров» собственного сочинения. Каждый номер сопровождался продолжительными аплодисментами взволнованных ветеранов и довольных родителей. Кто-то даже выкрикнул: «Молодцы!» Мы, сидя на ступеньках актового зала, начали волноваться: «Вдруг они со своими песнями и наш спектакль переплюнут?» Леха Балбес перемещался в проходе на четвереньках, показывая всем кулаки и таким образом сурово предупреждая о недопустимости халтуры. «Выступаем на все сто!» — шипел он сквозь зубы. Добравшись до Семы Шацкого, Леха погрозил и ему. И свистящим шепотом добавил: «Напортачишь — убью!» Комиссар только покорно вжал голову в плечи.

Концерт гремел. Звучали песни военных лет, детские и романтические. Под бурные аплодисменты пели учителя и ученики, хором и сольно, с музыкальным сопровождением и *a capella*. Когда объявили: «Выступает сводный хор!» — и половина зрителей, поднявшись со своих мест, вышли на сцену, стало понятно, какая она маленькая.

Артисты долго размещались, заполняя все пространство сцены перед кулисами. Наконец хор выстроился и затих. В полной тишине Юрий Николаевич объявил: «Композитор Александров, стихи Лебедева-Кумача, песня “Священная война”! Исполняет сводный хор школы № 3». Повернувшись к хору, он, как птица крыльями, взмахнул руками, одновременно начав дирижировать и играть на аккордеоне (как это у него получалось?), а сводный хор как один человек грянул: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...»

В этот торжественный момент по коже у зрителей побежали мурашки и весь зал встал в едином порыве! В глазах ветеранов засверкали слезы... Мы, глупые пятиклассники, стояли вместе со всеми и слушали великую песню, отлично понимая, что нам с таким же успехом не выступить.

Хор исполнил еще две песни, но уже без прежнего эффекта. Потом объявили антракт и нас позвали готовиться к представлению. За кулисами мы переоделись в сценические костюмы, выслушали наставления Валентины Ильиничны и угрозы Лехи Балбеса побить всех, кто сорвет спектакль. Юрий Николаевич еще раз прогнал с нами песню «Шумел сурово брянский лес». Мы разобрали

бутафорское оружие и заняли исходные позиции. Директор дала команду к началу, в зале погас свет, занавес разошелся, и представление началось...

В целом премьера шла неплохо. Проникнувшись важностью момента и Лехиными угрозами, юные актеры играли старательно, а кое-кто даже вдохновенно. Первые аплодисменты сорвали партизаны, когда на привале запели песню. Это нас ободрило. На сцене предательства зрительный зал наполнился недовольным гулом, раздались крики: «Предатель!» Было заметно, что Валентина Ильинична довольна, и мы старались изо всех сил. Сцена боя удалась — незапланированной драки между партизанами и фашистами удалось избежать. Все шло по сценарию. Правда, в зале нашлось подкрепление, готовое вырваться на сцену и лично помочь партизанам. Однако физруки и родители удержали добровольцев. Поимка предателя вызвала у аудитории злорадный смех и крики: «Так ему и надо!»

Представление шло к концу. По реакции зала было понятно, что спектакль зрителям нравится и нас тоже ожидает немалый успех. Оставалось отыграть допрос предателя, подготовку к расстрелу и появление комиссара. И вот здесь за кулисами что-то произошло... Послышался легкий шум, возникло волнение, куда-то побежала Валентина Ильинична.

Мы доигрывали сцену. Серега Иваненко зачитал приговор: «Расстрел!» Партизаны выстроились в ряд и приготовили винтовки, ожидая появления штабного комиссара. И вдруг из-за кулис сообщили, что комиссара не будет: Сема Шацкий исчез! Его не было ни за кулисами, ни в зале, ни в фойе. Самые шустрые старшеклассники обежали все классы — Семы не было нигде! Валентина Ильинична пыталась спешно переодеть в комиссара кого-то из школьников, на ходу объясняя, что делать. Участники пьесы растерялись: к такому никто не был готов. Из-за кулис Юрий Николаевич начал подавать команды актерам:

— Импровизируйте! Импровизируйте!

— Чё делать? — не понял его Серега.

В разговор вмешался Леха Балбес, изображавший убитого немецкого командира. Он перевернулся на живот и шепотом подсказал Сереге:

— Расстреливайте, он говорит, расстреливайте!

— А-а-а! — протянул Серега и дал команду: — Огонь! Пли!

Растерявшиеся партизаны произвели нестройный залп (эту сцену никто не репетировал) и отступили за кулисы. Юрий Николаевич схватился за голову и присел на футляр аккордеона, стоявший на полу. Валентина Ильинична замерла в ужасе, как будто меня и вправду расстреляли из настоящих винтовок. И тут я понял: вот он, мой шанс! В отличие от Балбеса я знал, что такое импровизировать, да и помирать предателем не хотелось. Я не упал как подкошенный, а схватился за пробитую пулями грудь и, почему-то хромая, пошел прямо на авансцену. Испуганный Балбес по-пластунски отполз за кулису, а я, оставшись один и слегка покачиваясь, как будто теряю силы, упал на одно колено и слабым голосом произнес:

— Я советский разведчик! Я привел немцев специально, чтобы партизаны разбили их, — и почему-то добавил: — А настоящий предатель — это комиссар Шацкий.

После этого, раскинув руки, я упал на сцену и умер.

— Занавес, занавес! — торопливо закричала Валентина Ильинична. Старшеклассники стремительно задернули занавес, и наступила гробовая тишина. Я лежал на сцене и думал: «Ну вот и всё. Провалили спектакль, завтра придется драться с Балбесом». Но вдруг в зале раздался гул — это были аплодисменты.

Подошла Валентина Ильинична, потом другие участники спектакля. Меня подняли с пола, хлопали по плечам и пожимали руки. Леха Балбес отряхивал пыль с моего костюма и улыбался во весь рот. Старшеклассники распахнули занавес, и мы увидели своих родителей, одноклассников, ветеранов... Все дружно аплодировали. Взявшись за руки, мы подошли к краю сцены и неумело раскланялись. Зрители продолжали хлопать, и радость переполняла меня — я решил, что обязательно стану артистом!

Комиссара Шацкого нашли через два часа. Физруки, сманившие молодых учительниц из начальной школы в спортзал, дабы совместно выпить сухого вина, обнаружили за запертой дверью спящего Сему. Он свернулся клубочком на спортивных матах, подложив под голову шапку с партизанской ленточкой. Когда его растолкали и вытащили на белый свет, то с удивлением обнаружили, что комиссарские уши похожи на большие красные локаторы, а нос превратился в синюю сливу. Как ни пытались учителя узнать, кто его закрыл в спортивном зале и сотворил на лице эту красоту, Сема никого не выдал. Может, боялся партизан? Понял, что месть — это блюдо, которое подают холодным? Не знаю...

Мой актерский дебют не прошел даром. Позже я записался в театральный кружок при местном Доме культуры и сыграл еще несколько ролей. После окончания школы поступил в провинциальный театральный институт в одном городе на очень Дальнем Востоке и даже закончил его, но артистом не стал. Ну, это уже совсем другая история.

